

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

САГА О ПЯТИДЕСЯТЫХ

Вечер. Приблизились сказки.
Месяца выглянул лик.
Библиотека. Салазки.
Книги везем на двоих.

И озаряется память
Светом ребячьей любви...
Сумерки. Легкая заметь.
Голуби и воробьи.

Бабушка, длится разлука,
Но предъявляет права
Всеми забытая штука —
Пятидесятых Москва...

Боже, когда это было?
Взглядов чужих сторонясь,
Бабушка в церковь ходила.
Вилась иконная вязь.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей России и Международного союза журналистов. Кавалер ордена преподобного Сергия Радонежского РПЦ и лауреат многих литературных премий. Главный редактор альманахов "День православной поэзии. 2008", "День поэзии 2007, 2009, 2010". Живёт в Москве и в Рузе.

Щёлкает стрелка.
Трамваю
Нету в былое пути...
Бабушка, я забываю
Добрые руки твои.

Стихли Сокольников марши.
Не замерзает каток...
Я уже сделался старше
Бабушки
лет на пяток.

Право, не ведаю,
близкий
К Сретенью путь?
Но с тобой —
То поминальной запиской,
То стихотворной строкой...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Приспеет октябрь, и клюква пойдет по лесам.
Вернее, она побежит по прокисшим болотам.
И, может быть, я,
если только успею — я сам
Об этой поре напишу перед зябким уходом.

Как строились ели вдоль узкой тропы в караул,
Где мы пробирались под вечер в деревню с грибами.
И пес на дворе бесконечную песню тянул,
Чтоб было не скучно в своем одиночестве маме.

Пустые колоды лежат, как повапленный гроб,
И мама, предчувствуя скорую сердцем разлуку,
Сказала: “Иди, на дорогах сейчас чернотроп...” —
И тихо к стеклу приложила прозрачную руку...

Не каждый ушедший до светлой мечты доскакал.
Не каждый домой из далека вернулся понуро...
У волчьего времени — волчий, звериный оскал
И с лисьим окрасом дубленая зимняя шкура.

Но в сполохе гроз и в мерцанье трясиновых огней,
Вдоль шалой воды, уносящей буруны к закату,
Я шел до конца, оставляя друзей и коней,
Внимая вселенского боя глухому раскату!

И там, где заплотом судьбинный предстал перевал,
Его одолев, между кручами и облаками,
Я мертвые губы бессмертной страны целовал...
И вспомнился дом... И заплакалось горько по маме.

ВОИНАМ РОССИИ

Вдоль речки дымится порез
Не сомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской бескрайней равнине.

Чтоб за порогом жизни суеты,
В лампадном свете — ангелами рея,
В морозных окнах чудились цветы,
Процветшие на Зимнего Андрея!

И чтоб дубов железная листва,
Опавшая покровом плащаницы,
Мостила путь к началу Рождества
И выводила души из темницы!

Пусть в мельтешенье скоморошных дат
Незыблемо пребудет та, что свята
Пришедшим в журавлиный снегопад,
Когда метель по-птичьему крылата!

ДОТЯНУТЬ ДО ВЕСНЫ

Дотянуть до весны, синеглазой, летящей, поющей.
Услыхать соловья заполошную, дивную трель...
Утонули в снегах заповедные Русские пуши
И навыйлет сквозит по замерзшим дорогам метель.

Холода, холода — над Россией и пряничной Рузой,
Где церковей перезвон застывает в мороз на весу,
Где деревья стоят, пригибаясь от снежного груза,
Где восход и закат продолжают одну полосу.

По зиме,
      что может закончиться тихо и просто,
Как кончаются зимы, средь мартовской талой воды.
И бредут холода, опускаясь в лощины с погоста,
Словно сумрачный причт,
                          возвращаясь с поминной страды.

И всю ночь напролет — затаенное прошлое снится
В это смутное время, под самый конец февраля:
Я стою на дворе, а в руках моих птица-синица,
И кружит надо мною, как заметь, перо журавля.

Дотяну до весны, до березовой Пасхи апреля,
До цветенья черемух на Рузы крутом берегу...
Горюном-журавлем, над заветной околицей рея,
Все равно дотяну, если просто дожить не смогу.